

3. Китай как главный партнер в Азии

Если в Европе главным партнером СССР, стремившегося не допустить образования единого антисоветского фронта капиталистических государств, выступала Германия, то на Востоке основным объектом советских внешнеполитических усилий был Китай — страна, которая в достаточно близком будущем легко могла бы оказаться в

социалистическом лагере. Для этого необходимо было, чтобы пролетариат, объединившись с «революционными элементами буржуазии», сумел поднять нищий и униженный народ этой страны против господства политиканствующих генералов, продажных дельцов и иностранных империалистов и привести к власти коалиционное переходное правительство. Однако любую политику было крайне сложно проводить в Китае, ввергнутом в пучину анархии, лишенном настоящего правительства, раздираемом гражданской войной и находившемся под постоянной угрозой со стороны своего могущественного соседа — Японии. Любые планы должны были исходить из существования в Китае не одной власти, а четырех, находившихся в состоянии беспощадной войны между собой: официального правительства в Пекине; националистического движения, возглавлявшегося Сунь Ятсеном, а после его смерти в марте 1925 г. его двоюродным братом генералом Чан Кайши; Гоминьдана; и Коммунистической партии Китая, основанной в 1921 г. Первоначально советская политика по отношению к Китаю, осуществляемая по традиционным дипломатическим каналам и одновременно через Коминтерн, была довольно успешной. Однако в 1927 — 1928 гг. она потерпела ощутимое поражение, вызвавшее в большевистской партии наиболее острые разногласия по поводу советской внешней политики со времен Брестского мира.

До конца 1921 г. главная задача советской дипломатии на Дальнем Востоке состояла в возвращении той части территории Сибири, которая была частично оккупирована Японией. Успешным броском Красная Армия в 1921 г. заняла Внешнюю Монголию, вызвав решительный протест китайского правительства в Пекине. После состоявшегося 21 — 31 января 1922 г. в Москве Съезда трудящихся Дальнего Востока (бледного подобию Бакинского съезда 1920 г.), в котором участвовало около 100 делегатов коммунистических партий или «национально-революционных» движений Китая, Кореи, Японии, Индии, Монголии и Индонезии, советское правительство в августе 1922 г. направило на Дальний Восток свою первую крупную дипломатическую миссию во главе с А.Иоффе. Эта миссия должна была решить с пекинским правительством вопрос о Внешней Монголии, одновременно оказать поддержку гоминьдановскому движению, центр которого находился в Кантоне, в его борьбе против Пекина и установить дипломатические отношения с Японией. После провала переговоров с правительством в Пекине Иоффе направился в Южный Китай, где подписал с главой Гоминьдана Сунь Ятсеном соглашение, предусматривавшее создание независимого, ориентированного на СССР и руководимого Гоминьданом Китая. Иоффе заверил своего собеседника, что Советская Россия никоим образом не имеет намерений экспортировать коммунизм в Китай. Со своей стороны Сунь Ят-сен дал согласие на вхождение китайских коммунистов в Гоминьдан в индивидуальном порядке. Советское государство также обязалось оказывать финансовую и военную помощь Гоминьдану в его борьбе за власть в Китае. С этой целью в Кантон была направлена миссия советских советников, в том числе генерал В.Блюхер и представитель Коминтерна М.Бородин, который на протяжении нескольких лет играл ключевую роль в сложных отношениях между КПК и Гоминьданом. В задачи миссии входили реорганизация гоминьдановских вооруженных формирований и наблюдение за вхождением компартии в состав Гоминьдана в соответствии с решением IV конгресса Коминтерна о поддержке «политики народного фронта, объединяющего членов КПК и представителей революционно настроенной буржуазии в борьбе против азиатских и европейских империалистов». В то же самое время другой советский посланник, Л.Карахан, вел в Пекине переговоры с правительством Китайской республики о заключении договора о взаимном признании, который и был подписан 31 мая 1924 г. Условия этого договора были очень выгодны Советскому государству, сохранившему контроль над КВЖД и Внешней Монголией.

В 1923 — 1925 гг. под неослабным руководством М. Бородина произошло заметное усиление влияния коммунистов внутри Гоминьдана. Подавление британскими войсками студенческих выступлений в Шанхае в мае 1925 г. привело к усилению антиимпериалистической направленности движения, постепенно выраставшего в хорошо организованную массовую политическую партию, которой все лучше удавалось использовать в своих целях многочисленные проявления социального недовольства и национальных неурядиц. После смерти Сунь Ятсена во главе Гоминьдана прочно стал генерал Чан Кайши, который получил военное образование в Москве и потому поль-

зовался большой поддержкой Бородин. В начале 1926 г. руководство КПК, о росте влияния которой свидетельствовали все более значительные рабочие волнения и забастовки в больших городах, обратилось в Коминтерн за разрешением восстановить свою самостоятельность по отношению к Гоминьдану. Советский Союз ответил отказом и, напротив, предложил присоединить к Коминтерну и Гоминьдан в качестве «сочувствующей партии». В то время (февраль — март 1926 г.) и Троцкий, и Сталин стремились затормозить развитие событий в Китае, так как после подписания Локкарнских соглашений все их внимание было направлено на то, чтобы не допустить образования единого фронта капиталистических государств против СССР.

Троцкий, которому Политбюро поручило совместно с Чичериным и Ворошиловым представить анализ чрезвычайно сложной ситуации, складывавшейся в советско-китайских отношениях, в докладе 26 марта 1926 г. настаивал на необходимости для Советского Союза проводить в Китае очень осторожную политику, даже если она будет задерживать развитие революционного движения в стране. Любое необдуманное выступление Гоминьдана или КПК против иностранных интересов в Китае или против Японии грозило обернуться, по мнению докладчика, созданием антисоветского фронта всех империалистических государств. В этих условиях СССР должен был «поддерживать лояльные отношения со всеми существующими в Китае правительствами». В момент, когда Политбюро обсуждало доклад Троцкого, политическая ситуация в Китае резко изменилась. 20 марта Чан Кайши предпринял меры по усилению своей личной власти в Гоминьдане. Он приказал арестовать большое число коммунистов и предписал резко сократить их количество во всех органах Гоминьдана. После этого Чан Кайши предпринял решительное наступление на север. Успех наступления был значительно облегчен благодаря содействию китайских коммунистов, которым Москва приказала не только оставаться в составе Гоминьдана, но и помогать Чан Кайши всеми возможными средствами. (Например, гася, в случае необходимости, рабочие и крестьянские волнения.)

В то же время Бородин пытался использовать для достижения своих целей «внутренние противоречия» в Гоминьдане. В октябре 1926 г., когда националистические гоминьдановские войска заняли Ухань, Бородин инспирировал «откол» от Гоминьдана нескольких его деятелей, образовавших свое правительство, так называемый «левый Гоминьдан», в которое вошли и два министра-коммуниста. По мере того как «политические игры» в Китае принимали все более запутанный характер, отношения Советского Союза с Чан Кайши быстро ухудшались. Гоминьдановское руководство было полно решимости разгромить китайских коммунистов и избавиться от московских «советников». Ситуация усугублялась тем, что, выступая 5 апреля 1927 г. перед московскими коммунистами, Сталин имел неосторожность раскрыть планы советского руководства по отношению к «правому» Гоминьдану, согласно которым представителей последнего следовало использовать, а затем избавиться от них.

Чан Кайши решил предупредить события и уже через несколько дней (12 апреля) отдал приказ арестовать и казнить тысячи коммунистов в Шанхае. 14 апреля Коминтерн выступил с развернутым протестом, обвинив империалистические круги в разрушении единства Гоминьдана и подкупе Чан Кайши, предавшего революцию и китайский народ. Советское руководство тем не менее по-прежнему делало ставку на «левый Гоминьдан», в ряды которого должны были проникать китайские коммунисты. С критикой этой политики выступила левая оппозиция во главе с Троцким, полагавшим, что в Китае наступил подходящий момент для создания Советов. На протяжении нескольких месяцев, вплоть до созыва в декабре 1927 г. XV съезда партии, «китайский вопрос» продолжал оставаться в центре политических дебатов в СССР, в которых «шанхайский расстрел», спровоцированный безответственным заявлением Сталина, стал одним из «ударных» аргументов левой оппозиции.

В конце 1927 г. «левый Гоминьдан» распался. В декабре коммунисты подняли восстание в Кантоне, за подавлением которого последовал разрыв дипломатических отношений между СССР и Китаем. Поражение китайских коммунистов совпало по времени с разгромом троцкистской оппозиции на XV съезде партии. В 1928 г. Коминтерн и руководство ВКП(б) выступили с лозунгом оппозиции о «создании Советов в Китае». Но время уже было упущено, влияние Гоминьдана стремительно росло,

Чан Кайши занял Пекин, и объединение Китая под его эгидой казалось вполне реальным.

На VI конгрессе Коминтерна большевистское руководство, несмотря на полный крах осуществлявшейся им с начала 1926 г. политики в отношении Китая и ее катастрофические последствия как для советской дипломатии и Коминтерна, так и для китайских коммунистов, не признало своих ошибок. Напротив, в кулуарах конгресса Сталин заявил, что «мы были правы», «мы шли по стопам Ленина» и что сражения в Кантоне позволили раздробить силы империализма, ослабить его и, таким образом, обеспечить развитие и процветание очага мировой революции — Советского Союза.